

СВОБОДА ВОЛИ КАК ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ²

Еще древние мудрецы говорили о том, что сила и могущество любой общности, этноса, союза определяются не пугающим соседей военным потенциалом, а, прежде всего, внутренней гармонией и сплоченностью. Внутреннюю сплоченность и гармонию любого сообщества создает единая система ценностных координат. Как только различные социальные группы начинают придерживаться различных версий того, что такое хорошо и что такое плохо, в сообществе возникают конфликты. Конфликты ценностные и практически неразрешимые. Одних воспитывают в духе труда как пользы и служения благу общества, другие сизмальства осваивают мораль: прежде думай о себе, другие — это средство. Скрижали добра и зла одних представлены необходимостью помощи тем, кто в ней нуждается, для других вымогательство помощи под любым благовидным предлогом превращается в бизнес и даже супербизнес. Одни возносят на алтарь жизни создаваемые своим трудом товары и услуги, другие — «умение повернуть дело», «игру» на фондовых рынках, в казино. И первый, и второй здесь не единичные индивиды. Это специфические социальные группы, слои, классы, общности со своими субкультурами. Первый — это типичный представитель культуры продуцирования, второй — паразитирования. И ценностные ориентации одних становятся источником материального благосостояния других. Как такое оказывается возможным?

² Статья написана в соавторстве с А.В. Забариним и опубликована в сокращенном варианте в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» (Серия 12, выпуск 1, 2011).

Давние споры об универсальности или относительности категорий добра и зла представляют безусловно конструктивную попытку моделирования возможности построения межэтнических отношений на основе неких единых гуманистических принципов, отражающих достижения этической мысли, прежде всего, западной цивилизации. Вместе с тем отстаиваемая сторонниками универсализма модель единых всемирных ценностей вступает в резкий диссонанс с содержанием реально существующих в рамках различных этносов этических систем. Необходимость понимания психологических особенностей конкретно взятой общности, этноса не позволяет довольствоваться моделью универсальных общечеловеческих ценностей и требует изучения тех специфических акцентов, которыми наполняются категории добра и зла в различных культурах. Дать исчерпывающую классификацию их обширного и пестрого многообразия представляется крайне сложным ввиду, с одной стороны, уникальности и самобытности каждой из культур, а с другой — различных форм взаимодействия между ними, в ходе которого образуются причудливые мозаичные сочетания этических принципов. Более того, при всей спорности вопроса о наличии прогресса в культурном развитии факт изменчивости и исторической обусловленности каждой отдельной этической системы еще более усложняет поставленную задачу.

Одним из важнейших, образующих этическую систему этноса, представляется принцип, которым определяется содержание представляемой членам этноса свободы воли. В отечественной психологии волю традиционно определяют в узком и широком смысле слова. В узком смысле волю часто отождествляют с «силой воли», актами человеческого поведения, которые направлены на преодоление трудностей и препятствий. Причем, это преодоление трудностей и препятствий обязательно подразумевало преодоление себя. То есть, если наш путь к цели был осложнен борьбой мотивов, если мы сумели противопоставить слову «хочу» слово «надо», мы, с позиций данного подхода, проявляли волю. Хочется идти на прогулку, но надо срочно выполнить работу, и я сижу и занимаюсь работой.

Но критики данной узкой позиции (Е.П. Ильин) обратили внимание на то, что вряд ли правомерно из целостного мотивационного акта вырывать отдельные его компоненты. И если мое желание, хотение, стремление реализуется без борьбы мотивов, то это также есть проявление моей воли («простой волевой акт»). Например, я хочу пойти прогуляться в парк и отправляюсь на прогулку. С этих позиций любая произвольная регуляция поведения есть воля. В таком широком толковании воля включает в себя самодетерминацию (мотивацию), самоиници-

ацию и самоторможение, самоконтроль, самомобилизацию и самостимуляцию³.

Однако и данный подход, как представляется, раскрывает лишь один из аспектов воли. Последовательное проведение принципа об осознаваемой и неосознаваемой формах психических процессов заставляет поставить вопрос о том, существует ли неосознаваемая воля. И если отвечать на него утвердительно, то придется признать за ней произвольные мотивы, влечения. Это тот случай, когда мною движут потребности, которые я полностью не осознаю. При этом мое поведение определяется не кем-то или чем-то извне, а мною. Стало быть, логично и этот случай подвести под то, что мы называем моей волей.

Наконец, абсолютно правомерным оказывается и вопрос, что происходит при столкновении, говоря словами А. Шопенгауэра, «воли» субъектов⁴. Здесь мы сталкиваемся с добровольным («Волю первую твою я исполню как свою») и принудительным принятием воли другого. (Заковали в кандалы, надели наручники, бросили в темницу, отправили в ссылку, применили любое иное узаконенное или неузаконенное насилие.) Особо следует выделить компенсацию недостатка собственной воли волей другого. Если кто-то будет стоять за спиной, прикажет, напомним, то сделаю, иначе придумаю сто одну причину, почему не смог это сделать.

И подобно тому, как мы можем подчинять свою волю чужой воле вследствие как собственного желания, так и понуждения со стороны, так же мы порой оказываемся вынужденными подчинить свою волю сложившимся обстоятельствам, которые расцениваются субъектом как непреложные, обязывающие, не оставляющие другого выбора. Такая оценка может быть как объективной, так и субъективной. Не было раньше секций по обучению плаванию, бросали ребенка с лодки в воду, и воля обстоятельств заставляла его плыть. Можно, конечно, и в данном случае, вспоминая притчу о двух попавших в молоко лягушках, говорить о том, что в воле одной было утонуть, а в воле другой — барахтаться и взбить масло. Но не сознание, как правило, определяет поведение индивида в экстремальной ситуации. Обстоятельства могут диктоваться и спецификой культуры данного этноса: традиция, закон требует, бог велит, обычай обязывает.

Итак, мы имеем три вектора проявления воли: моя воля (Я Хочу), чужая воля (Он, Они хотят) и обстоятельства заставляют — позволяют (то, что на языке житейской психологии называют божья воля). Таким образом, волю мы можем определить как то, что заставляет нас что-то делать в этой жизни; внутренние и внешние причины, определяющие поведение индивидуума.

3 Ильин Е.П. Психология воли. Издательство «Питер», 2009.

4 Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый М., «Московский клуб», 1992.

Три системообразующих волю вектора: моя воля («Я хочу»), чужая воля («Он, Они хотят»), воля обстоятельств («Обстоятельства заставляют») представляют собой значимые с точки зрения прогнозирования взаимодействия критерии для различения этических систем. Этнос может различным образом предписывать должное отношение члена этноса к своим потребностям, желаниям, влечениям, к повелениям других, а также к складывающимся обстоятельствам. Признание абсолютной свободы каждой из этих «воль» будет воплощаться в следующих позициях:

Первая позиция предполагает закрепляемое в культуре этноса полное самоопределение поведения члена этноса или этноса как целого: на все моя воля. Главным здесь является мое «Я» как первопричина всего и вся, и священным оказывается слово «хочу». Выбор того или иного варианта поведения зависит окончательно от моего особого, простого и внезапного, ничем с необходимостью не обусловленного, решения. Свобода воли — это свобода моего выбора, моего мнения, моего поведения, моих действий в отношении других людей. Происходит полное самопринятие всех своих желаний, влечений, потребностей, мотивов, которые и становятся движущей силой поведения («хочу и буду»).

Исторический анализ этносов дает основания утверждать, что абсолютная свобода воли одного лица всегда распространяется на ограниченный круг «чужих» и не распространяется на своих. Ситуация, при которой все, кроме меня, оказываются «чужими», и я выстраиваю отношения с ними без всяких правил, так, как мне захочется, представляет тип отношений, именуемых произволом. Но абсолютный произвол немислим даже для самых отъявленных самовольцев. Калигула, Нерон, Людовик XVI и другие тираны, и те были вынуждены даже для удержания собственной власти опираться на команду своих.

Таким образом, при существовании вполне конкретных исторических лиц, исповедовавших данные моральные принципы лишь в отношении себя, надо признать, что куда чаще встречается провозглашение свободы воли не для отдельно взятого индивидуума, а для коллективного субъекта, для этноса в целом. В этом случае мессианское значение одной непререкаемой воли сменяется мессианским значением воли «Мы», за которым утверждается непререкаемое превосходство над всем и вся.

Принцип, согласно которому доказавший свою силу получает право и на все блага, был не редкостью в истории человеческой цивилизации. Те же скифы, по описаниям Геродота, во времена своего владычества в Азии занимались организованным разбоем и грабежом, собирали с каждого народа установленную дань, «своей наглостью и бесчин-

ством привели все там в полное расстройство»⁵. Самым важным человеческим искусством скифы считали искусство войны. Римский поэт Овидий так пишет о скифах: «Они вряд ли заслуживают называться людьми, они злее, чем дикие волки. Они не боятся закона, право у них уступает силе, а меч побеждает справедливость»⁶. Очевидно, что оценки поступков скифов со стороны Геродота, Овидия и со стороны самих скифов находятся в различных системах координат. Именно такой тип поведения культивировался у скифов как достойный доблестного воина, а остальная жуткая для нас атрибутика логично вытекала из скифского идеала добра и зла.

Принципа свободы собственной воли придерживался, как следует из описаний Геродота, и этнос воинственных амазонок, которые не уступали в своей свирепости воинам-мужчинам. Война, разбой и охота были их образом жизни. Собственную волю творил и этнос римлян времен империи, и татаро-монгольский этнос времен Золотой Орды.

Фанатизм пассионария (пророка или вождя), намерившегося покорить весь мир, находит отражение в идеологии, которая обосновывает особое предназначение возглавляемого ими этноса и предписывает скорейшее «облагодетельствование» оставшегося «нецивилизованного» мира.

При этом, провозглашение абсолютной свободы воли для «Мы» оборачивается принятием жесткой несвободы воли для «Я». Истинный воин Урука, гунн, скиф, римлянин, кельт, аснат, кипчак, благославленный на грабеж и насилие над иноземцами, был обязан соблюдать достаточно жесткие предписания в отношении своих соплеменников. Та же фашистская Германия, достаточно жестко ограничивая свободу проявления собственной воли отдельного арийца, исповедовала полную свободу воли для этноса в целом в выстраивании отношений с внешним миром.

Исповедование собственной свободной воли сопровождалось созданием специфических этических систем. Зачастую они ассоциируются у нас с моральными нормами асоциальных сообществ, террористических организаций.

Вместе с тем, с позиций исторической действительности, такой взгляд оказывается крайне узким. Жизнь, с позиций этого мировоззрения — это вечная борьба, борьба за господство, в которой выживает сильнейший. Как писал Ф. Ницше: «Жизнь — это воля к власти»⁷. Жизнь есть результат войны, и само общество представляет собой лишь средство для войны. «Свобода воли — это возможность произвольного подчинения других своей воле, сла-

5 Геродот. История. Книга первая. www.vehi.net/istoriya/index.html

6 Цит. по: http://www.astra-lit.com/ukr-ment-ru/6_skif.htm

7 Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994, с. 41.

бых воля — сильной воле»⁸. Ту же мысль мы находим и в доктрине национал-социализма.

В чем проявляется сильная воля у Ницше? К чему следует стремиться с позиций норм данного этноса, что называется здесь хорошим? Сильная воля проявляется в гордости, смелости, уверенности в себе, чувстве задора и триумфа, умении отстоять себя, выдержать, использовать обстоятельства, уничтожить своих противников. Это «спокойствие силы», «ясность и определенность направления»⁹.

Поскольку свобода моей воли возводится в абсолют, всякая не моя воля должна быть подчинена моей. Это требование сверхчеловек Ницше распространяет и на общественную мораль: «Ценности и их изменения стоят в связи с возрастанием силы лица, устанавливающего ценности»¹⁰. Свобода воли являет себя также в возможности самоопределения в содержании морально-нравственных ценностей, в определении собственных категорий Добра и Зла: «Есть нечто, в тысячу раз более важное, чем вопрос о том, хорошо ли нам (другим) или плохо. Одним словом, возможна некая цель, ради которой без колебания приносят человеческие жертвы, идут на все опасности, берут на себя все дурное, даже худшее»¹¹. Противостоящие этой цели индивидуальные воли (анархисты, преступники) именуется «отбросами всех классов»¹². Наконец, свобода моей воли должна распространяться и на обстоятельства: «Внутренняя сила бесконечно важнее влияния среды и внешних причин; многое, что представляется влиянием извне, в сущности, есть только приспособление этой внутренней силы к окружающему»¹³.

Соответственно слабость воли знаменует собой дегенерацию. Она представлена состояниями немощи, бессилия, неопределенностью личности, бессилием ответить реакцией на какое-нибудь раздражение и неумением владеть собой, несвободой от всякого рода внушения со стороны чужой воли, колебаниями и недостатком устойчивости, ослаблением желаний, смирением, отвращением и стыдом перед всем естественным.

Потенциал доступной свободы воли, по взглядам Ф. Ницше, задается от рождения. Воспитание, обучение и среда здесь практически ничего не меняют: «человек, несмотря на все, может стать только тем, что он есть (несмотря на все — это значит вопреки воспитанию, обучению, среде, случайно-

стям и катастрофам)»¹⁴. Если ты появился на свет бедняком, от родителей, которые во всем только расточали и ничего не скопили, то ты «неисправим», это значит — созрел для каторжных работ и дома умалишенных... Нет солидарности в обществе, где имеются неплодотворные, непродуктивные, разрушительные элементы, которые к тому же дадут еще более выродившееся, чем они сами, потомство. Равенство — зло. Право альтруизма, право на помощь, на одинаковую участь — это все премии для дегенератов и убогих. Терпимость — в сущности неспособность сказать «да» или «нет», страх перед необходимостью осуществлять свое право, творить суд. Следует чтить рок, говорящий слабому: «Погибни!..»¹⁵. Уничтожение рабства — по-видимому, дань «человеческому достоинству», на самом же деле — уничтожение высшего вида (подкапывание под его ценности и счастье)¹⁶.

Эти же социал-дарвинистские идеи мы находим и в идеологии национал-социализма. Здесь констатируется, что в борьбе за существование отмирает плохое. Все изменения, которые не способствуют сохранению данного вида, искореняются, как только перестают соответствовать окружающим условиям существования. Жизнь же цивилизованных народов построена на искусственном и часто противоестественном отборе. Общество проявляет повышенную заботу о благоденствии паразитов и уголовников, продляет мучения наследственно тяжелобольных. Дурная наследственность вследствие такого отбора не только сохраняется, но и переносится на все новые и новые поколения. Таким образом, с позиций национал-социализма культурный подъем и цивилизация попытались подменить собой законы природы. Возвращение к ним с признанием естественности, желательности и даже необходимости гибели социально слабых элементов во имя арийских сверхчеловеков провозглашалось нормой будущего здорового существования правильного арийского человечества¹⁷.

Второй вектор — «на все чужая воля» — в своем абсолютном выражении подразумевает ситуацию беспрекословного подчинения воле господина. Эталонный член этноса не должен проявлять своей воли и не должен противиться чужой («Нет слова «хочу», есть слово «должен!»»). Это пример этики, культивируемой, насаждаемой и закрепляемой в обычаях и ритуалах среди рабов, слуг, холопов. Это этика этносов, находящихся в условиях колониальной и иных форм зависимости. Это этика членов секты.

8 Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994, с. 41.

9 Там же, с. 57

10 Там же, с. 45

11 Там же, с. 72

12 Там же, с. 108

13 Там же, с. 93

14 Там же, с. 60

15 Там же, с. 61

16 Там же, с. 133

17 Эсэсовец и вопрос крови (Биологические закономерности и их практическое использование для сохранения и приумножения нордической крови). Интернет-ресурс www.spiritwarrior.ru/SS.htm

Если говорить о больших степенях свободы, ограниченном подчинении, это этика любых иерархических структур: армия, банда, подростковая группировка, бюрократия. И чем больше степень жесткости иерархических структур, тем больше выражение в них «чужой» воли.

С этологических и психологических позиций подчинение другой воле не менее оправданно, чем попытка распространения своей воли на всех. У человека эта позиция проявляется как склонность быть более пассивным, доверять и соглашаться отдавать право решений или выбора другому, уступчивость, безупречная исполнительность или желание угодить, отойти «в сторону». Это меньшая адаптивность и самостоятельность, большая зависимость от близких людей или начальства. Крайности «ведомости» выражаются в безынициативности, инфантильности, беззащитности, слабохарактерности, пораженчестве, излишней компромиссности или беспринципности, в недооценке себя, чувстве ничтожности и никчемности. Лидерский потенциал неравномерно распространен в популяции, и желание одних людей властвовать имеет обратной стороной медали желание других людей подчиняться. Поэтому ко всяческим попыткам дискриминации как отдельных людей, так и целых этносов на основе их лидерского потенциала надо относиться с настороженностью, как и любой иной дискриминации человека по физическим признакам.

Отметим, что этика древних греков делала из этого наблюдения совершенно иные выводы. Тот же Аристотель доказывал, что для того, чтобы были свободные люди и чтобы эти свободные люди — граждане — могли управлять полисами, необходимо, чтобы существовали рабы, класс людей, которых путем принуждения заставляют производить все необходимое для жизни. Таким образом, рабство является, на его взгляд, благом, поскольку содержит в себе неотъемлемое условие существования свободных людей. Обращение части человечества в рабство соответственно является естественным правом. По Аристотелю, есть люди, которые по самой своей природе предназначены быть рабами, и поэтому совершенно естественно обращать их в рабство во время войны. Война — это и есть «охота, которая позволяет добыть людей, созданных для послушания и отказывающихся подчиниться»¹⁸.

Безусловно, есть понятие ситуативного лидерства, и лидерский потенциал можно формировать в определенных пределах. Но из любого ведомого вы не сделаете лидера. Многое здесь играет социально-биологическая позиция доминантности — подчиненности. Нормы, которыми в этносе регламентируются характер и пределы проявления лидерского потенциала, не устраняют его и не сформируют сами

по себе. Но раскрываться в этносах, где придерживаются принципов: «Долг сыновей — продолжить дело отца» и «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, лидерский потенциал будет, безусловно, по-разному.

Но и этологически, и психологически справедливо и то, что сам факт неволи даже у прирученных собак включает инстинкт, который еще И.П. Павлов назвал «рефлексом свободы» — комплекс реакций, направленных на снятие любых навязываемых чужой волей ограничений. Как распоряжается освобожденная от сковывающих ее цепей собака обретенной свободой — тоже очень показательный момент. Сидит тут же рядом со злополучной цепью и виляет хвостом. Поэтому принципиальным вопросом здесь является субъективное восприятие соотношения между своей и чужой «волями».

Основные различия в данной этике коренятся в мере принятия или отвержения воли другого. С этим связаны и различные стратегии поведения подчиняемого субъекта. Первая стратегия — внешняя демонстрация подчинения при внутренней позиции протеста (насильственное подчинение). Это случай вынужденного подчинения¹⁹. Согласно модели Сергеевко М. Е.²⁰, это был тип обращенных в рабов, которые «умело эту ненависть скрывали, копили ее в себе, ожидая своего часа, и когда он приходил, обрушивали ее все равно на кого, лишь бы на сытых и одетых, на тех, кто походил на человека, который ими помыкал и втапывал в грязь. Они расправлялись с хозяином, сбегали, уходили в разбойничьи шайки, жадно прислушивались, нет ли где восстания»²¹.

Вторая стратегия — внешняя демонстрация подчинения при внутренней позиции смирения с подчинением. Это случай классического рабства. Юридическое положение раба в Древнем Риме определялось следующим образом: он не человек. Не имея свободы, он не гражданин и не может иметь семьи. У него нет

19 Случаи с внешней и внутренней демонстрацией протеста под категорию свободы чужой воли не попадают. Отметим, что такой тип, безусловно, присутствует. Любопытна в этом плане и зоопсихологическая параллель. И.П. Павлов констатировал в своих экспериментах, что есть тип собак, которые, кажется, органически не переносят никакого внешнего подчинения. Тип не желающих мириться со своей рабской судьбой людей отличался тем, что «жизнь их становилась сплошным протестом против законов злого и несправедливого мира, который подчинил их себе. Протест этот мог выражаться очень различно в зависимости от нравственного склада и умственного уровня. Одни становились просто «отчаянными»: ни плети, ни колодки, ни мельница ничего с ними не могли поделать; они пили, бунили, дерзили: это был их способ выражать свою ненависть и свое презрение к окружающему». Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима. http://www.lib.aldebaran.ru/.../sergeenko_mariya_zhizn_drevnego_rima/

20 Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима. Интернет-ресурс: http://www.lib.aldebaran.ru/.../sergeenko_mariya_zhizn_drevnego_rima/

21 Там же.

18 Цит. по: А. Боннар. Греческая цивилизация www.sno.pro1.ru/lib/school/bonnar/8.htm

также собственности, он не имеет права вести дело в суде от собственного имени. Господину принадлежит над ним полная, неограниченная власть, похожая на власть над своей вещью. Господин может поэтому продать или подарить своего раба, наказывать его, бить, казнить. Очень часто «особое» положение рабов подчёркивалось внешними признаками (клеймо, ошейник, особая одежда).

И хотя в реальности, как отмечают историки, редко фактическое положение раба в Древнем Риме было столь плачевным (обычай выделения части господского имущества, получение доходов, дающих основу для будущего откупа, возможность сожительства и др.), сам юридический статус раба изменялся мало. Вещь, а не человек, неразумное быдло, которое надо вразумлять и погонять, — вот идеальная модель самосознания раба, которая формировалась и старательно поддерживалась с помощью регулярной порки. Так раб низводился до положения неразумного дитя, которое нуждалось в постоянном руководстве и контроле. Могли попасться и неоднократно попадались за человеческую историю рабовладельцы, садистски издевающиеся над своими рабами. На них мог обращаться гнев рабов. Но в целом, картина мира раба устойчиво воспроизводилась. Достаточно посмотреть на чаяния нашего крепостного крестьянства, которые редко шли дальше мечты о хорошем барине, царе. Собственно картина мира раба и была главным препятствием на пути всех периодически возникавших в истории бунтов.

Это модель наиболее типичного раба по Сергеенко М.Е., новообращенного, адаптировавшегося к своей участи или уже родившегося в рабстве. «Чужой в той стране, куда его занесла злая судьба, раб равнодушен к ее благополучию и к ее несчастьям; его не радует ее процветание, но и горести ее не лягут камнем на его душу. Если его забирают в солдаты, то он идет не защищать эту безразличную ему землю, а добывать себе свободу: он думает о себе, а не обо всех. Люди отняли у него все, чем красна жизнь: родину, семью, независимость, он отвечает им ненавистью и недоверием. Далеко не всегда испытывает он чувство товарищества даже к собратьям по судьбе»²². Вот печальный итог и той рабской психологии, которая начала культивироваться при Иване Грозном на Руси и была фактически узаконена Романовыми в крепостном праве.

Уклад жизни формировал и специфическую психологию выживания. Раб рассчитывает только на себя и заботится только о себе. А потому он, как правило, не только не объединяется с другими рабами, но сам же подглядывает за ними и доносит на них. «Объединение гладиаторов, ушедших со Спартаком, или тех германцев, которые, попав

в плен, передушили друг друга, чтобы только не выступать на потеху римской черни, как справедливо отмечает Сергеенко М.Е., явление редкое»²³. Чужая жизнь интересна рабу постольку, поскольку от нее зависит его собственная. Лишенный права на слово, он, слыша, не слышит и, видя, не видит.

Раба часто выбирает путь, который кажется ему наиболее верным и безопасным: «он опутывает душу хозяина ложью и лестью — усердно выполняет все его приказания, повинуется самым гнусным его прихотям; «что бы ни приказал господин, ничто не позорно». Умный и наблюдательный, он быстро подмечает пороки и слабости хозяина, ловко потакает им, и скоро хозяин уже не может обойтись без него: он становится его правой рукой, советником и наперником, заправилкой в доме, грозой остальных рабов, а иногда и несчастьем для всей семьи. Он изгибается перед хозяином: хозяин — сила, и высокомерно дерзок со всеми, в ком нет силы. Если ему будет выгодно предать хозяина и донести на него, он предаст и донесет. Моральные колебания ему неизвестны; законы нравственности его не связывают: он не подзревает об их существовании. «Сколько рабов, столько врагов», — поговорка возникла на основании опыта и наблюдения»²⁴.

Смирение со своей долей и старание устроиться так, чтобы рабское ярмо не слишком натирало шею — вот жизненная стратегия выживания, под которую попадали в большинстве своем и раб, и холоп, и крепостной, и слуга. Они прилаживались к дому и жили сегодняшним днем, стремясь выгадать себе хоть крохотный кусочек жизненных удобств и удовольствий.

Целый ряд этносов переходил на протяжении истории из рук одних завоевателей в другие. Если мы обратимся, например, к истории формирования латвийского этноса, то увидим, что начиная с XIII столетия Латвия попеременно находилась под властью Германии, Польши и России. Эстонский этнос существовал под властью датчан, шведов, немцев и русских. Азербайджанский этнос за пять тысяч лет своего существования жил с такими хозяевами, как государства Шумера, Аккада, Ашшура (Ассирия), Хетта, Манна, Иским, Скит, Скиф, Албания и Атропатена. В начале нашей эры — в III веке — Азербайджан оккупировала империя Иранских Сасанидов, а в VII веке — Арабский Халифат. В первых столетиях нашей эры территорию Азербайджана занимают турецкие этносы. И наконец, уже с конца 18 века, Азербайджан начинают делить между собой Иран и Россия, что привело к территориальному делению этноса на «Северный (или Российский) Азербайджан» и «Южный (или Иранский) Азербайджан».

22 Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. http://www.lib.aldebaran.ru/.../sergeenko_mariya_zhizn_drevnego_rima/

23 Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. http://www.lib.aldebaran.ru/.../sergeenko_mariya_zhizn_drevnego_rima/

24 Там же.

Выживание этих этносов в условиях многовековой зависимости, безусловно, порождало и специфические особенности этнической психологии. С одной стороны, потрясающе развитыми оказываются адаптационные способности. Латыши легко переносят трудности, способны выполнять большие объемы работы в краткие сроки. Показателем высокой адаптации является и стремление латыша полагаться в первую очередь на себя, на свои силы, свои знания, свой опыт, а уж потом на помощь со стороны.

Эстонцы в своем стремлении сохранить максимум из возможной независимости от завоевателей и выдержать дистанцию с ними соблюдали принцип: лучше мирные соседи, чем враждующие братья. Дабы не искушать новых хозяев желанием экспроприации, эстонское население исповедовало «принцип нарочитой бедности», жило натуральным хозяйством, не строило городов, не накапливало богатств, сохраняло определенную лояльность к очередным завоевателям, не вмешивалось в разборки между ними. Эстонец «просвещенного» XIX века и первой половины XX века был не знаком с традицией празднования дней рождения. Эстонские дети еще в начале XX века ели стоя. За стол позволялось сесть юноше, вспахавшему первую борозду, или девушке, которая хотя бы один раз принимала участие в подготовке к конфирмации. Вообще еда была обставлена колоссальным количеством суеверий: нельзя было чихать, кашлять, поперхнуться, выронить изо рта кусок, оставлять ложку на краю миски, нельзя есть, когда кто-то стоит у тебя за спиной, и т.п. Выпавший во время еды зуб предвещал смерть ребенка. Существовало поверье, отвлекающее гостей от обильной еды. Нужно было извлечь из кладбищенского креста железный гвоздь и вбить его в обеденный стол. Фонд этих табу выполнял очень важную для эстонского этноса защитную функцию. Как следствие, эстонский этнос никем не воспринимался в качестве возможного противника, союзника или просто подходящего объекта для грабежа²⁵.

Очередные хозяева, желая закрепить свое присутствие, за свои деньги строили крепости и города, порты и дороги, дворцы и университеты. Гарнизоны и города требовали продовольствия, что обеспечивало устойчивый сбыт продукции эстонских сельских общин. Эстонский этнос постоянно подпитывался свежим генетическим материалом, но при этом, характеризуясь агрессивным национализмом, не растворился в нем и сохранил свою этническую самобытность.

С другой стороны, расчет на собственные силы и самообеспечение как стратегия адаптации не могли гарантировать сохранения этничности. И латыши, и эстонцы в этой связи сделали ставку на ограни-

чение числа социальных контактов. Этническую изоляцию латышей обеспечивали в известной мере скупость проявления чувств, настороженность во взаимоотношениях с другими, слабая привязанность даже к родственникам и ограничение себя малым числом межличностных связей. Так же и эстонец крайне редко ходит и еще реже приглашает в гости. С соседями на их территории он обращается либо по большой нужде, либо по специальному приглашению (свадьба, крестины, конфирмация). И сегодня эстонец охотнее всего пригласит вас не к себе домой, а в кафе или бар (корчму).

Многие представители национальных элит и исследователи говорят в этой связи о необходимости преодоления психологических последствий «рабского состояния» и порождаемого им «комплекса жертвы»²⁶.

Иной стиль адаптации мы видим на примере азербайджанского этноса. Это стратегия мимикрии под захватчика. В какой вере выгодно быть — той верой он и назывался: язычество, идолопоклонничество, огнепоклонничество, зороастризм, иудаизм, христианство (албанское, григорианство, православие, католицизм, лютеранство), ислам шиитского толка, ислам суннитского толка, ваххабизм, опять христианство. С такой же легкостью менялась лояльность очередным правителям и законам. Позиция хамелеона в отношении к исповедуемым принципам обусловила и специфическую установку на получение максимального количества благ с наименьшими затратами. Самоотверженные труженики соседствуют здесь с теми, кто стремится быть обеспеченным, найти «тепленькое место», ничего для этого не делая и руководствуясь сиюминутными интересами²⁷.

Третья стратегия — внешняя демонстрация подчинения при внутренней позиции желания подчинения. Реализация чужой воли при первых двух стратегиях происходит только под давлением насилия или угрозы его применения, и этическая система, которую пытаются искусственным образом насадить, вступает в явное противоречие с реально разделяемыми данным сословием моральными принципами.

Культивируемая при этом этика закрепляет отказ от собственной воли и подчинение внешней воле, как более сильной, мудрой и могущественной. Формируется культ превосходства и даже сакральности этой внешней воли. Как пишет Иван Грозный А. Курбскому: «Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: «*Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от Бога; тот, кто противится власти, — противится Божьему повелению*»? Смотри и разумей: кто противится власти — противит-

26 Интернет-ресурс: <http://www.zapchel.lv/>

27 Крысько В.Г. Этническая психология. [www.koob.ru /krysko/etnich_psihologiya](http://www.koob.ru/krysko/etnich_psihologiya)

25 Петров М. Любить эстонца www.inosmi.ru/text/translation/241586.html

ся Богу, тот называется отступником, а это наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится Богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: «Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть»²⁸.

Внешняя воля объявляется источником добродетели, справедливости и покровительства. Вот как султан изъясняет это в своем послании к главному евнуху сераля: «Да кто вы, как не жалкие орудия, которые я могу сокрушить по своей прихоти? Вы существуете лишь постольку, поскольку умеете повиноваться; вы на свете лишь для того, чтобы жить в моем подчинении или умереть, как только я прикажу; вы дышите лишь постольку, поскольку мое счастье, моя любовь, даже моя ревность нуждается в вашей подлости; у вас нет, наконец, иной участи, кроме подчинения, другой души, кроме моей воли, другой надежды, кроме моего благоденствия»²⁹.

В рамках третьей стратегии происходит по существу идентификация с чужой волей, она принимается и реализуется как своя. Для этого сам источник идентификации должен стать референтом, обрести в сознании подчиняемого такие льстящие собственному самолюбию характеристики, которые заставят его дорожить членством в этом этносе.

Можно ли создать слугу, готового верно служить и в любую минуту погибнуть за своего господина? Из обычного раба такой не получится, ибо средне-статистический раб живет одной надеждой избавления от него. Возможность повышения статуса среди рабов и дополнительных благ, конечно, будет стимулом выслужиться, но если встанет вопрос о жертве собственной жизни, чьей жизнью пожертвует раб, достаточно очевидно. Даже большое личное участие в судьбе раба, вызвавшее глубокую благодарность, и то не гарантирует обязательного порыва жертвенности. (А порой и вовсе благодарность забывчивей всего.)

На Востоке эту проблему решили созданием особого элитного сословия самураев. Сословия, которое стало легендой и символом японской героики. Самураи не только не были рабами в классическом понимании, у них у самих были рабы. И часто их отношение к социальному низу, по описаниям историков, отдавало высокомерием и презрением. И, тем не менее, именно самурайство являет собой

один из классических примеров свободы чужой воли. Психология самурайства многолика и глубока. Мы обозначим лишь некоторые ее аспекты.

Важнейший ключ к пониманию этики самурая лежит в понимании его предназначения, пути. «Я постиг, что Путь Самурая — это смерть. В ситуации «или—или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или—или» практически невозможно. Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь Подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще»³⁰.

Здесь заложена мощнейшая психологическая установка, направленная на принятие собственной смерти как величайшей доблести. Вопрос не в том, чтобы умереть. Вопрос в том как умереть доблестно. И еще очень важный штрих к мироощущению самурая: «жить так, словно тело твое уже умерло»³¹, объясняющий специфику картины мира, желаний, устремлений, взаимоотношений с другими людьми и миром в целом.

Смысл жизни в безупречном служении и радости погибнуть за господина. В самом ярком виде эта идея обозначена в Бусидо, своде правил и установлений, регламентирующих поведение и повседневную жизнь самураев. Ценность человека в этой системе координат измеряется его способностью быть функцией господина, безупречного служения ему. Все остальные таланты идут в довесок к безупречному служению, без этого они ничего не стоят: «Хороший слуга — это тот, кто безоговорочно подчиняется своему господину. Можно сказать, что это — идеальный слуга. Если ты появился на свет в старинном самурайском роду, достаточно лишь глубоко задуматься над верностью предкам, презреть тело и разум и всецело посвятить себя служению хозяину. Можно считать удачей, если ты, к тому же, наделен мудростью и талантами и умеешь правильно воспользоваться ими. Но даже тот, кто ни к чему не пригоден и неуклюж, может стать надежным слугой, если он исполнен решимости вы-

28 Иван IV Грозный. Сочинения. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007, с. 36-37.

29 Шарль Луи Монтескье. Персидские письма. Электронный ресурс: www.e-lib.info/book.php?id=1120000292&p=3

30 «Книга самурая»: Северо-Запад Пресс; Санкт-Петербург, 2003, с. 4.

31 Там же, с. 5

полнять волю своего хозяина. Однако грош цена человеку, если его достоинства ограничиваются только мудростью и талантами»³².

Крайне важным с позиций данной этики является табуирование всякой самостоятельности слуги: «Люди полагают, что, размышляя над сложными делами, они могут разобраться с ними. Однако, когда они задумываются над чем-нибудь, у них появляются ложные мысли. Они не могут принять правильное решение, потому что в своих рассуждениях руководствуются стремлением к личной выгоде. Отказаться от глупых мыслей и возрастить в себе подлинное безличностное мышление нелегко»³³.

Слуга должен постоянно испытывать нужду: «Существуют две вещи, которые могут ввести слугу в заблуждение: это богатство и слава. Если же слуга постоянно испытывает нужду, он будет безупречен. Однажды жил очень умный человек, который больше всего любил замечать отрицательные стороны своей жизни. Если ты будешь поступать так же, как он, ты будешь бесполезен. Но если ты вообще не будешь ведать о том, что в жизни много невзгод, ты будешь совершать опрометчивые поступки, и люди перестанут доверять тебе. Если же тебе не доверяют, каким хорошим человеком бы ты ни был, ты не будешь безупречен»³⁴.

Надо сказать, что проблему охраны уже не в масштабе отдельного сюзерена, а всего государства решала далеко не одна Япония. И психология функционирования армии как социального института также является, на наш взгляд, показательным примером свободы чужой воли. Если оттолкнуться от понимания задач армии, то профессиональным долгом каждого принявшего присягу военнослужащего является готовность умереть при выполнении приказа. Чем же возможно добиться реализации такой готовности в экстремальных ситуациях, равно как и вообще возможности организованных действий и сохранения высокого морального духа? Много различных средств существует для этого, но необходимое средство, присутствующее на всех исторических вехах, — это иерархия с ее принципом безусловного подчинения вышестоящему. Любая инициатива снизу влечет здесь дезорганизацию. Только представьте себе, что произойдет, если солдат по своей личной инициативе без приказа командира отправится в наступление и даже захватит какой-то рубеж. К награде за такие подвиги его представят только в фильме, а в реальности расстреляют за дезорганизацию. Потому что главная функция солдата, также как и любого вышестоящего над ним командира, у которого в свою очередь также есть свой командир, — быть

функцией, средством реализации воли вышестоящего. А посему воля командира абсолютна и непререкаема, и начальник всегда прав. Зачем это культивируется и поддерживается, часто даже такой ценой, как дедовщина? Что произойдет, если подчиненный начнет оспаривать приказ командира, отложит его выполнение по собственной прихоти, начнет размышлять: а не нарушает ли он права и свободы человека? Правильно, войска в этом случае не получится.

Надо сказать, что психология любой бюрократии отвечает тому же принципу свободы чужой воли. Приказ, распоряжение начальника должны быть выполнены. Демонстрация не предписанной приказом инициативы выводит проявляющего ее за рамки системы.

Ситуацию добровольного отказа от собственной воли и желания стать функцией господина мы видим и на примере попадающих в гарем султана жен и наложниц. Женщина, вступая в сераль, отказывалась от всех своих прав и прошлой жизни. Закрепление нового социального статуса одалиски сопровождалось испытанным при обращении в новую веру приемом: смена имени. Реальность отказа от прошлого закреплялась в отказе от родных и подруг. Весь смысл ее жизни сводился к реализации единственной обязанности — нравиться мужу, а далее заниматься воспитанием детей. В гареме, безусловно, были рабы, прислуживающие женам султана. Но они оставались прежде всего рабами султана, которым вменялось в обязанность быть «бичом порока и столпом верности»³⁵. Главный евнух с исключительной внимательностью следил за соблюдением женами и наложницами всех правил. За малейший отказ в повиновении их наказывали немилосердно. «Я раб, — говорил он, — но раб человека, который господин и вам, и мне, и я пользуюсь властью, которую он дал мне над вами: не я вас наказываю, а он; я только прикладываю руку»³⁶.

Третий вектор — «на все воля обстоятельств, случая, провидения, судьбы, бога» — подразумевает смирение с любыми возникшими обстоятельствами. Все предначертано свыше и изменению не подлежит. То есть провозглашается тотальная внешняя детерминация поведения. «Единственное желание — служить Господу, поскольку Господь велик, а они, живые существа, — Его неотъемлемые частицы, вечно подчиненные Ему»³⁷. Первопричины любого поведения, также как и вообще первопричины всего сущего, отождествляются с некой вселенской волей, первоначально, божественным разумом (названия здесь могут быть самые разные).

32 «Книга самурая»: Северо-Запад Пресс; Санкт-Петербург, 2003, с. 2.

33 Там же. с. 5

34 Там же. с. 5

35 Шарль Луи Монтескье. Персидские письма. Электронный ресурс: www.e-lib.info/book.php?id=1120000292&p=3

36 Там же.

37 Вйасадева Шрила. Процесс творения // Интернет-ресурс: www.lib.rin.ru/doc/i/43066p16.html

Абсолютизацию этой воли мы видим в теологии Августина Блаженного («крайний августинизм»), монаха Готшалка, основоположников протестантства. Так Готшалк (Германия, IX в.) утверждал, что «одни безусловно предопределены к добру, а другие — ко злу, по беспричинному выбору Божьей воли». Лютер назвал свободу индивидуальной воли вымыслом: «Бог ничего не предусматривает случайным образом, но все неизменной, вечной и безошибочной волей предусматривает, предустанавливает и исполняет. Этой молнией повергается и совершенно стирается свобода воли. Отсюда непреложно следует: все, что мы делаем, все, что происходит, хотя и кажется нам случайным и отменимым, воистину, однако, совершается необходимо и неизменно, если смотреть на волю Божию»³⁸. При этом Лютер подчеркивал, что абсолютная необходимость не означает внешнего принуждения («чужой воли» — в нашем случае). Ибо «мы сами, непринужденно, хотим и действуем, но по определению высшей, абсолютной необходимости. Мы бежим сами, но лишь туда, куда правит наш всадник — или Бог, или дьявол. Бог производит в нас как добро, так и зло: как Он нас спасает без нашей заслуги, так и осуждает без нашей вины»³⁹.

Кальвин провозгласил, что «воля Божия есть необходимость вещей». «Бог сам действует в нас, когда мы делаем добро, и через орудие свое, сатану, когда мы делаем зло. Человек грешит по необходимости, но грех не есть для него что-нибудь внешнее, а сама его воля. Такая воля есть нечто косное и страдательное, что Бог гнет и ворочает, как Ему угодно»⁴⁰.

Позиции Августина Блаженного, Готшалка, Лютера, Кальвина являют здесь не просто примеры религиозной философии. Это были действовавшие в широком масштабе (исключая разве Готшалка) этические системы образованных по религиозному признаку этносов. Причем системы достаточно жесткие и интолерантные к иным позициям.

Смысл жизни в системе координат «на все воля божья» определяется как возможность служения и следования ей. Может возникнуть впечатление, что второй вектор «на все чужая воля» является тогда лишь частным случаем этого вектора. Действительно, обе этики закрепляют в качестве естественного образца отказ от собственной воли и подчинение воле господина и высшей воле. И в том, и в другом случае самоотречение и подавление всех своих желаний объявляется добродетелью. Но исповедование свободы воли случая, судьбы, бога ни

когда не сочетается с внутренним и внешним неприятием этой воли. В противном случае, это уже будет ставка на собственную волю. В случае же с добровольным принятием воли чужого моя воля персонифицируется в воле господина. Здесь же объектом персонификации является потусторонняя сила, наделяемая к тому же неограниченным могуществом.

И подобно тому, как ребенок, отождествляя себя с пугающим его объектом, переживает чувство силы, также и здесь, персонификация с божеством может давать человеку чувство могущества, причастности к великому и наделять его жизнь особым смыслом. Переживание себя как одного из воплощений божественной воли оказывается также крайне притягательным, возможностью снятия с себя всякой ответственности с переносом ее на того, «который видит все и знает». В результате происходит метаморфоза превращения лишнего собственной воли раба божьего в мнящего себя воплощением божественной воли самовольца.

В самом деле, если в совершении добрых и злых поступков повинна лишь божья воля, то сам человек оказывается ни при чем. Он не более чем игрушка в руках божьего промысла. И, стало быть, он ни за что не отвечает. И если я, как господин, смотрю вот на этого крепостного, и сегодня он мне что-то не нравится, и ударить его даже хочется, то, что это со мной такое происходит? Должно быть, божественное провидение наставляет меня вразумить это быдло. В результате «игрушка» начинает мнить себя инструментом божьего промысла, дланью божьей или карающим мечом провидения и, самое главное, свято верить в это. Если у меня есть власть, я сильный, богатый — значит я богопомазанный. В результате абсолютное отрицание несвободы индивидуальной воли оборачивалось своей противоположностью: как богопомазанному мне все можно, все, что мне хочется, и все, что я делаю, — это и есть божье провидение, божья воля. Неслучайно Готшалк был объявлен еретиком, а учение обоих глав протестантства о «полной пассивности человеческой воли, будто бы не оказывающей совсем никакого содействия возбуждениям Божьей благодати, и о том, что свобода воли после грехопадения Адама есть пустое имя или «вымысел сатаны»», было осуждено католиками 4-м и 5-м канонами Триентского собора. То есть абсолютная свобода высшей воли, отрицающая всякую индивидуальную волю, оказывается тождественной абсолютной свободе индивидуальной воли.

Вся история мировой религии обязывает человека чтить духов, богов, предков, соблюдать ритуалы, обычаи, традиции, не преступать табу. И в этом случае абсолютизация воли обстоятельств или сверхъестественных сил крайне редка. Как правило, мы сталкиваемся с различными соотношениями между

38 Цит. по: Байдакова М.Ю. Свобода воли в контексте соотношения индивидуального и универсального (по оценкам западных философов) // Интернет-ресурс: www.txts.mgou.ru/vestnik/2009/philosof_2_2009.pdf

39 Там же.

40 Кальвин Ж. Наставление в христианской вере // www.jeancalvin.ru/institution/2/4/

внешней потусторонней волей и индивидуальной волей. Чем в большей степени абсолютизируется воля обстоятельств и сверхъестественных сил, тем больше степень регламентации жизни отдельно взятого члена этноса. Само же содержание регламентации отражает специфику системы верований данного этноса.

Каждый из рассмотренных вариантов свободы воли диктует свою систему ценностных ориентаций. И эти ценностные ориентации могут проявляться не только в рамках национальных культур, но и субкультур различных общностей, входящих в состав одного общества. И важно, с одной стороны, чтобы культивируемая в сообществе толерантность, уважение к различным ценностям не превращались в разменную монету двойных стандартов, покрывающую экономические гешефты. А с другой — прочные здания государственности, гражданственности всегда возводились на фундаменте единых смыслов, единых ценностей как основы социальной солидарности и гармонии.